

Сто ложек кофе

ДАРЬЯ КРУПКИНА

ШРАМЫ, ЧТО МЫ ВЫБИРАЕМ

Современный Лондон. Кристина знакомится с братьями-близнецами: Фредерик сдержан и собран, Винсент, наоборот, предпочитает бег от жизни всё. Они управляют издательским домом, исповедуют порочную философию и пытаются не вспоминать о прошлом. В свой странный мир они увлекают и Кристину. Но вместе с удовольствиями приходят и призраки — в лице мертвого друга близнецов.

Дарья Крупкина

Шрамы, что мы выбираем

Осень припорошена легкой грустью. Той грустью, что отражается в глубине глаз, когда наступает прохлада, и можно присесть на покрывало из мертвых листьев. Чтобы раскинуть руки и смотреть на густое небо, сотканное из воспоминаний и снов.

Анабель сидела в комнате и наблюдала за мраком. Ее осень началась сегодня, на две недели позже, чем календарная. Может быть, потому что именно в этот день пришла долгожданная прохлада, прогнав пошловатый летний зной. А может, потому что сегодня ровно год с тех пор, как погиб Лукас.

Отгнав навязчивые мысли, Анабель вновь опустила глаза на портативный компьютер, лежавший на коленях. На экране высвечивались скупые буквы электронного письма, и девушка снова и снова его перечитывала.

Конечно, она могла бы поднять трубку и позвонить Анне. Или даже встретиться с ней. Но ведь это совсем не то. Осень создана не для личных встреч. Она должна оставаться именно такой: ткань воспоминаний и ностальгии, пронизанная письмами, словами и прохладой.

Анна отправила письмо пару часов назад.

Теперь она наверняка с Винсентом в каком-нибудь уютном кафе или шумном баре. Вряд ли хоть кто-то из них помнит, что именно в этот день, год назад, их Лукаса нашли мертвым.

Ее Лукаса.

Свечи успели догореть, когда девушка закончила чтение письма. Она еще долго сидела в тишине, выключив компьютер и вдыхая запах благовоний. Она любила разнообразные запахи. Особенно те, что напоминали ей об отдельных моментах жизни. Сегодня ее окутывал аромат прелой листвы со сладковатым привкусом тлена. Все напоминало о Лукасе. И с почти мазохистским удовольствием, Анабель принимала эти воспоминания, купалась в них. Она позволила ностальгии затопить себя, пообещав, что это всего на один вечер.

Она поднялась с кресла, оставив в нем плед, и направилась в ванную. Включив приглушенный свет, застыла перед зеркалом, смотря на собственное отражение. В похожей обстановке ее фотографировал Лукас. Заставлял свет подчеркивать изгибы ее тела, сверкать волосы, превращал глаза в темные провалы. Как сказала потом Анна, в фото было что-то inferнальное. Анабель показалось, сказала с оттенком зависти.

Скинув с плеч халат, девушка стояла перед зеркалом. Ей было видно себя только до пояса, но

этого вполне хватало. Она провела рукой по груди, кончиком пальца пробежала по тонкому шраму под левой. Как будто кто-то хотел вырезать ее сердце. Анабель усмехнулась: к сожалению, ее сердце все еще на месте.

Вода успела остыть за то время, что Анабель читала письмо, но в целом оставалась теплой. Девушка аккуратно улеглась, разглядывая узор дорогого потолка. В полумраке он выглядел уродливо и почти устрашающе. Лукас всегда говорил, что именно сумерки показывают истинный облик.

Завтра будет новый день. Завтра вернется из Европы Фредерик, и Анна начнет готовиться к выставке. Все будет завтра. Но сегодняшней день, эти мгновения принадлежат ностальгии.

И тени Лукаса.

1

Фредерик чертовски устал. Единственным его желанием на протяжении последних нескольких дней было добраться, наконец, до дома, упасть в кровать и не вылезать из нее пару лет. На деле он проспал пятнадцать часов, встал с дикой головной болью и тихой ненавистью ко всему миру.

Когда зазвонил телефон, Фредерик стоял у окна и наблюдал за суетливой жизнью на улице. Он

допивал воду из стакана, надеясь, что она немного взбодрит.

Он не изменил позы, но звонок его насторожил: мало кто знал домашний номер. И уж точно мало кто им пользовался — по крайней мере, без особой надобности. Фредерик дождался щелчка автоответчика, и услышал голос Анабель:

— Фредерик, я решила, мне надо погрузить одной. А тебе — хорошенько отдохнуть пару дней. Вернусь к выставке Анны.

Трубку повесили, и запись выключилась. Фредерик продолжал стоять, смотря в окно, и размышляя, что если бы голова так не болела, он предпочел в стакане вовсе не воду, а виски. С другой стороны, пить крепкие напитки по утрам — дурной тон.

Он поставил пустой стакан на стол, подошел к телефону и нажатием пары кнопок стер последнее сообщение. Его ничуть не удивило решение Анабель. Он прекрасно помнил о событиях годовалой давности, и был почти уверен, что некоторое время не увидит ее. Что ж, всем нужно чуточку покоя.

Фредерик Уэйнфилд был человеком состоятельным и деловым. Вместе с братом Винсентом, он не только с умом тратил деньги, доставшиеся от отца, но и преумножал богатства. Хотя, по большому счету, наследство им досталось

не ахти какое. Старик Уэйнфилд сумел сколотить приличный издательский дом, но к его смерти все издания превратились в вялотекущие, долги росли, как снежный ком. Так что когда братья спешно закончили колледж и вернулись в родные стены после смерти родителя, их ожидало не столько семейное дело, сколько не очень приятный сюрприз и проверка всех знаний, которые они успели приобрести.

К чести братьев, справились они отлично. Фредерик занялся управлением внутри компании, с ходу послав в отставку половину изданий и открыв новые. Винсент изучил рынок и клиентов, взяв на себя внешнюю среду. За пять лет они успели поднять дело отца, сделав ставку на глянцевого журнале для мужчин и еще одном, абсолютно богемном. Теперь «братья Уэйнфилд» стали синонимом успешности, им поражались, их уважали и с ними считались.

Приняв душ, Фредерик подумал, что мир стал однозначно лучше. Вместе с братом они жили в шикарном пентхаузе, но Фредерик предпочитал использовать квартиру по минимуму, оставив джакузи и прочие радости Винсенту.

Выходя из дома, Фредерик уже набирал номер одного из своих редакторов. У него всегда было два телефона: один для личных нужд, другой — для деловых. Впрочем, в последние недели первый он

просто отключил.

— Дэвис? Привет, это Фредерик. Да, вчера вернулся из Мадрида. Извини, что не позвонил сразу, очень устал. Конечно, все в порядке. Они выдвинули какие-то смешные требования, но я все уладил.

Фредерик едва заметно улыбнулся, когда редактор начал в очередной раз высказывать мысль о том, что вовсе не обязательно было ехать самому, с этим делом вполне могли справиться подчиненные. Дэвис был старым и порой весьма консервативным, но обоих братьев любил, как собственных сыновей.

— Дэвис, ты знаешь, я люблю улаживать дела самостоятельно. И пока наше издание считается одним из самых успешных в мире, я буду полагать, что прав.

Фредерик сощурился от яркого солнца и вытащил из кармана темные очки.

Выключив телефон, он отправился гулять. Гараж Уэйнфилдов был практически забит разнообразными машинами, но все они принадлежали Винсенту — он любил дорогие автомобили и любил их менять. Фредерику принадлежал только Феррари, маленький и стремительный. Он предпочитал окружать себя минимумом вещей, но вещей шикарных.

Фредерик любил гулять пешком. Ему

нравилось ощущать себя частью города, нравилось чувствовать себя микроскопической клеточкой крови, которая куда-то стремится по венам-улицам. Впрочем, определенной цели у него все равно не было. Он хотел прогуляться и впитать немного родного города, раз уж командировка в Мадрид несколько затянулась и потребовала столько сил.

Он не был актером или публичным человеком, так что мог позволить себе разгуливать по городу и оставаться не узнанным. Много раз он замечал людей, которые читали его журнал или просто несли в руках. В такие моменты он ощущал что-то вроде гордости. Их отец половину жизни строил свое дело, а половину — разрушал его. Фредерику и Винсенту удалось восстановить все за пять лет.

Многие удивлялись, почему братья до сих пор живут вместе. В конце концов, их банковские счета вполне позволяли купить не только отдельные квартиры, но даже загородные дома или небольшие замки. Тем не менее, братья Уэйнфилд жили вместе, а в ответ на все вопросы только загадочно улыбались — и в этот момент их было невозможно отличить друг от друга.

Впрочем, разговоры о необычной ориентации братьев тоже не возникали: они периодически появлялись на людях то с одной женщиной, то с другой. Особенно громким оказался роман

Фредерика и Дианы Уилсон, владелицы крупного глянцевого журнала для женщин. Диана оказалась женщиной очень сильной и крайне стервозной. За пятнадцать минут она успевала поссориться с Фредериком, собрать его вещи и простить — пока он молчал и меланхолично строил планы на следующий день. В конце концов, ему надоели ее истерики: Уэйнфилд даже не стал собирать вещи, просто однажды ушел и больше не вернулся. К ее чести, она не стала устраивать сцен и спокойно его отпустила.

Фредерик воспринимал женщин как легкий способ отдохнуть, передышку между работой. Он не привязывался ни к одной из них, не испытывал к ним особых чувств и даже искренне полагал, что семейное счастье — не для него. Он не упускал случая заняться сексом, но у него не возникало желания ни одну из женщин назвать своей.

Гуляя по городу и наслаждаясь такими редкими для Лондона солнечными лучами, Фредерик лениво подумал о том, что стоит позвонить Винсенту и узнать, как дела. Но после недолгих раздумий он решил, что не стоит. Раз брат не ночевал дома, значит, он у Анны, и все прекрасно.

Винсент вскочил на кровати, тяжело дыша. Пропитанное потом одеяло сползло вниз, но куда

больше его занимали неясные образы, оставшиеся в голове, и которые он никак не мог понять. Да что там! Он даже не мог на них сосредоточиться. Осталось только ощущение дикого ужаса, которое пропитывало каждый клочок его тела.

— Снова плохие сны?

На кровать присела Анна. Она вышла из ванной и успела накинуть только легкий халат, который едва прикрывал ее тело.

Он выдохнул и кивнул.

— Ох, Винс... что же такое с твоими кошмарами?

Он пожал плечами. Ответа у него не было, Анна это прекрасно знала. Повторяющиеся кошмары Винсента не поддавались его объяснению и ужасно раздражали. Потому что он категорически не понимал, чем они могут быть вызваны, и как с этим бороться. По крайней мере, пить снотворное ему совсем не хотелось.

— Ох, Винс, — повторила Анна и убрала от его лица мокрые пряди волос. — Но нам уже пора. Ты не забыл, что обещал помочь мне с выставкой?

— Не забыл. Но хочу сначала заехать домой: вчера вернулся Фредерик из Мадрида, мне бы хотелось позавтракать с ним.

— Конечно. Буду ждать тебя в галерее.

Анна прекрасно понимала желание Винсента. Он и Фредерик были братьями.

Братьями-близнецами. Каждый раз, когда Анна видела одного из них, она не могла не вспомнить второго. Похожие, как две капли воды, и в то же время совершенно разные. Привязанные друг к другу, и одновременно с этим независимые мужчины. По-своему Анна восхищалась каждым из них. Одного из них она любила — по крайней мере, была привязана настолько, что могла назвать это любовью.

Анна Веласкес была женщиной красивой. Она сама не особенно задумывалась об этом, тем более, благодаря профессии, ей приходилось часто общаться с красивыми женщинами.

Высокая брюнетка, модный фотограф и женщина Винсента Уэйнфилда — последний статус она приобрела совсем недавно. Хотя для Винсента девять месяцев — уже большой срок. Никто не говорил вслух, но каждый предполагал, что его хватит, как всегда, на три-четыре, не больше. Как ни странно, этого не произошло. Даже несмотря на то, что с Анной они были знакомы очень давно, и раньше Винсент как-то не испытывал к ней романтических чувств. Правду мог знать Фредерик, только он, разумеется, никому бы ничего не сказал.

Сдержанная и умная, Анна всегда была собрана, как будто каждый миг чего-то ожидала. Чего-то, к чему она должна быть готова. Спокойная женщина, она всегда готова защищаться, даже

когда ее опасности всего лишь выдуманы.

Впрочем, сейчас ей казалось, что опасности и проблемы выдумывает себе Винсент.

Очередная тяжелая ночь для Кристины. Она организовывала концерт малоизвестной, но энергичной группы в каком-то маленьком клубе, который гордился своей «альтернативностью». По мнению Кристины, флуоресцентные картины по стенам резали глаза, а басы вообще не отрегулированы. Но в Кубе платили неплохие деньги, да и для парней из ее группы это могло стать неплохим стартом. Должность Кристины именовалась как «менеджер группы», но на самом деле, она отвечала за все, вплоть до выслушивания слез и соплей вокалиста по поводу его расставания с очередной пассией.

Группа готовилась за кулисами, а Кристина материла директора клуба всеми словами, которые только могла вспомнить. Потому что он, по ее скромному мнению, не проявлял даже толики профессионализма.

— Где ваш звукорежиссер?! — почти кричала она, стоя у барной стойки.

Меланхоличный директор Куба только пожал плечами и осушил очередную порцию виски. Судя по сузившимся зрачкам, он уже успел наглотаться какой-то дряни.

Оставив попытки разговорить директора, она повернулась к бармену:

— Дай-ка и мне виски.

Бармен с сочувственным видом выполнил ее просьбу:

— За счет заведения.

— Благодарю.

— А звукорежиссера поищи в маленькой служебной комнате, вон там. Он любит уединиться перед концертом.

Посмотрев в указанном направлении, Кристина увидела неприметную обшарпанную дверь, по которой проходило целых две флуоресцентных полосы.

— Там? — скептически приподняла она бровь.

Но бармен оказался прав. Звукорежиссер самозабвенно занимался сексом с прижатой к стене полуголой девицей, когда Кристина распахнула дверь.

— Какого... — начал он, не отпуская девушки, но Кристина оказалась решительнее.

— Либо ты сейчас кончишь, либо я поволоку тебя на рабочее место прямо так.

Кристина не сомневалась, что испортила парочке все удовольствие, поэтому отвернулась и отправилась в гримерку, уверенная, что звукорежиссер через пять минут явится на рабочее

место. Злой и ненавидящий ее, разумеется, но это ерунда, лишь бы работал.

Когда Ник наконец-то запел, а восторженные девочки в зале радостно заверещали, Кристина перевела дух и решила, что наконец-то можно отдохнуть.

Она любила свою работу. На самом деле любила. Ей нравилось отыскивать таланты среди вороха музыкальных групп, которые в последнее время плодились, как клетки раковой опухоли. Когда-нибудь они завоюют мир, точно. Пока же Кристина тщательно перебирала их, отыскивая наиболее талантливых и тех, кто может быть востребован. После этого она рассказывала им о своих возможностях, связях и цене за услуги. Последнее называла в конце и как бы вскользь, отлично зная, что берет куда больше, чем могла бы. Но Кристина полагала, что имеет полное право. Потому что она действительно занималась всеми делами группы, была им заботливой мамочкой, воспитывающей кнута и пряником, которые дозировались в приемлемых пропорциях.

Пока группа на сцене отрабатывала свои деньги, Кристина устроилась у бара, закинув ногу на ногу и наслаждаясь еще одной порцией виски за счет заведения. Именно тогда рядом с ней остановился невысокий брюнет в темных очках. Облокотившись спиной о барную стойку, он тоже

посмотрел на группу.

— Неплохо, правда? — сказал он.

— Многому предстоит научиться, но у ребят есть задатки. Впрочем, я не объективна, они же мои подопечные.

— Я знаю.

Он повернулся к женщине, и Кристина заметила на его губах подобие улыбки.

— Кристина Вайнс.

— Винсент Уэйнфилд.

— Ты следил за мной, Винсент?

— Не было нужды. Твоя бурная деятельность бросалась в глаза.

— Приятно, что меня оценили по достоинству.

— Всегда к вашим услугам, мисс Вайнс.

Кристина не могла сказать, что так уж хорошо разбиралась в людях. Тем не менее, кое-что она понимала — умела замечать детали, обращать на них внимание, чтобы составить полную картину.

В Винсенте Уэйнфилде было что-то богемное и в то же время шикарное. Изящные движения, небрежные манеры. Простой, но аккуратный костюм — Кристина не сомневалась, он продуман до мелочей. И, разумеется, некоторая театральная пафосность: собеседник так и не снял темных очков, хотя они казались неуместным и не очень-то вежливым аксессуаром.

— Может, снимешь очки? Мне бы хотелось видеть глаза человека, с которым я разговариваю.

— Извини, это невозможно.

— Да? Почему же?

— Здесь слишком яркий свет, он режет мне глаза. Так что в другое время, в другом месте. Но не сейчас.

— Ты собираешься встретиться со мной в другое время, в другом месте?

— Не исключаю такой возможности.

Разговаривать на концерте — не самая лучшая идея. Поэтому едва загремела новая песня, Кристина сочла за лучшее помолчать и посмотреть на «ее мальчиков». Краем глаза она заметила, что незнакомец не собирается уходить и, кажется, тоже слушает музыку.

Она почувствовала что-то вроде досады, когда после окончания концерта поняла, что Винсент Уэйнфилд исчез, и нигде в зале его не видно. Времени на размышления у Кристины не было, и она отправилась к группе поздравить их с удачным вечером и присмотреть, чтобы никто из них не надрался. Она ужасно не любила подобный контроль, но понимала, что он необходим. Ее мальчики могли не сдерживать восторгов и в итоге связаться в неприятности, расхлебывать которые придется ей.

— Ты так заботлива.

Кристина вздрогнула и подняла голову. Винсент по-хозяйски облокотился на ее стул, и парни из группы, сидевшие за столом, поглядывали на него с недоумением.

— Не ожидала снова увидеть вас, мистер Уэйнфилд, — холодно ответила Кристина.

— Мисс Вайнс, я бы предпочел пообщаться в несколько иной обстановке. Как насчет кафе «Де Бийон» завтра вечером?

— Почему бы и нет? В восемь.

Они встретились не только в кафе, но и после в других местах. В основном, дорогих и совершенно не знакомых Кристине. На самом деле, она одинаково уверенно чувствовала себя и в клубе в рваных джинсах, и в шикарном ресторане в вечернем платье. Ей показалось, Винсент в этом плане очень похож на нее, но для встреч он выбирал, в основном, места роскошные.

Хотя очень быстро Кристина узнала, что именно Винсенту Уэйнфилду принадлежит Куб, клуб, в котором они познакомились. Что касается издательского дома, то Кристина была отлично осведомлена о знаменитых братьях Уэйнфилдах, хотя не придавала этому большого значения. Впрочем, как не придавала и самому Винсенту.

Особенно после того, как познакомилась с его женщиной. Винсент никогда не скрывал от нее

Анну, но представлены друг другу они были при весьма неожиданных обстоятельствах. Просто когда Кристина пришла в кафе, где Винсент назначил ей встречу, она увидела, что он сидит за столиком вместе с мужчиной и женщиной.

— Не помешаю?

Винсент выглядел сконфуженным. Похоже, он рассчитывал, что его собеседники уйдут куда раньше, но они задержались. Да и Кристина с ребятами слишком быстро закончили репетицию, так что она сама пришла не совсем в срок.

Сидевший к ней спиной мужчина повернулся, и Кристина была поражена. На нее смотрела точная копия Винсента! Только рубашка на незнакомце была белой, в отличие от так любимых Винсентом черных цветов. Да и улыбался он немного иначе, открыто и искренне. Хотя Кристина быстро поняла, что это всего лишь маска — маска, которой незнакомец легко располагает к себе людей. Не то чтобы он делал это намеренно. Просто не считал возможным показывать настоящие эмоции.

— Фредерик Уэйнфилд, — представился он, поднявшись. — Брат Винсента.

Он грациозно поцеловал руку Кристины, немного ее смутив. Она успела привыкнуть к изысканным манерам Винсента, но видеть одновременно обоих Уэйнфилдов казалось чем-то нереальным. Разумеется, Кристина помнила, что

братья — близнецы. Но все равно зрелище двух настолько похожих лиц произвело на нее неизгладимое впечатление.

Фредерик отодвинул стул, предлагая Кристине присесть. Она с удовольствием это сделала и оказалась точно напротив незнакомки, устроившейся между Уэйнфилдами. Она разглядывала Кристину с любопытством, которое не сочла нужным скрывать.

— Анна, — представил ее Винсент. — Анна Веласкес.

Женщина Винсента. Кристина сразу вспомнила, как он пару раз упоминал о ней. Теперь они сидели друг перед другом.

— Знакомьтесь, Кристина Вайнс.

— Рада познакомиться, — улыбнулась Анна. — Вы — подруга Винсента?

— Что-то вроде того.

— О, значит, мы бы обязательно познакомились, рано или поздно.

— Может быть, — Кристина пожала плечами. — Вы фотограф, верно?

— Да. Через пару дней открывается моя выставка, приходи.

— С удовольствием.

Они еще некоторое время посидели, болтая о всевозможных невинных мелочах. Фредерик очень удивился, что Кристина — музыкальный менеджер.

Оказывается, он частенько бывал в клубе Винсента, особенно когда устраивались концерты для широкой публики.

Анна ушла быстро, сославшись на дела перед выставкой, а братья задержались, так что в итоге сама Кристина была вынуждена сказать, что ей пора домой. Уэйнфилды подвезли ее на машине Винсента до дома.

— Было приятно познакомиться, — улыбнулся на прощание Фредерик.

Кристина подумала, что братья все-таки прилично отличались друг от друга. Если внешне это не бросалось в глаза, то после общения с ними обоими не оставалось сомнений, что внутренние качества Винсента и Фредерика далеко не идентичны. Кристина не сомневалась, что понравилась им обоим.

А потому совсем не удивилась, когда вечером получила приглашение по электронной почте посетить пентхауз Уэйнфилдов.

— Думала, Винсент тоже будет здесь, — сказала Кристина, принимая бокал из рук Фредерика.

Он покачал головой.

— Винс с Анной, они заняты выставкой.

Фредерик уселся на диване, развалившись с нарочитой небрежностью. Он выглядел

расслабленным и даже немного ленивым, особенно когда разглядывал стены, потолок, будто хотел досконально изучить и запомнить каждый узор на них.

— Ты спала с Винсентом?

Вопрос прозвучал неожиданно, и Кристина с удивлением посмотрела на Фредерика. Он внимательно, и слегка улыбаясь, смотрел на собеседницу.

— Нет, — она отвернулась. — И тебе не кажется, что задавать подобные вопросы немного... невежливо?

— Правда? С чего ты взяла?

— Пришла в голову такая мысль.

— Какая глупая мысль.

Подняв бокал, Фредерик взглянул на свет через вино. В этом жесте было что-то очень искреннее, как показалось Кристине. А может, Фредерик отвлекался на посторонний предмет, чтобы не смотреть на нее.

— Не стоит считать что-то невежливым только потому, что так считают все вокруг.

— Приходится считаться с общественным мнением.

— Какая глупость.

Фредерик поставил бокал на стол, так и не попробовав вина. Его взгляд словно пригвоздил Кристину, она чувствовала себя бабочкой, которую

пришпилили, и теперь ей никуда не деться. Только крылышки еще трепещут, потому что бабочка — до сих пор жива.

— Как ты думаешь, Кристина, почему мы с братом добились успеха в своем деле?

— Гм.

— Потому что мы не слишком оглядывались на общественное мнение и на то, что оно пыталось нам навязать.

Фредерик отвернулся, и его взгляд наконец-то отпустил девушку. Кристина невольно перевела дух: она и представить не могла, что найдется человек, перед которым она будет чувствовать себя нашкодившей девчонкой. Фредерик тем временем откинулся на диване и закинул ногу на ногу.

Больше он не поднимал подобных тем, и Кристина снова почувствовала себя комфортно в обществе второго Уйэнфилда. Тем более, в нем не было той порывистости и пафосности, порой свойственных Винсенту. Наоборот, Фредерик оказался очень сдержан, практичен и — властен. Впрочем, последнее качество проявлялось только в его уверенности в себе, но Кристина не сомневалась, что издательским домом Фредерик управляет весьма жестко. Может быть, именно это в сочетании с расслабленностью Винсента приносило отличный результат.

— Не хочу говорить о работе, — поморщился

Фредерик. — Лучше расскажи о себе. Ты родилась в Лондоне?

На самом деле, Кристина не любила рассказывать о своем прошлом. Оно казалось ей не интересным. О нет, у нее было очень счастливое детство и любящие родители: папа-музыкант и мама-журналист. Кажется, они познакомились как раз на концерте отца. Это было прекрасно, но, увы, абсолютно скучно для рассказа.

Теперь ее родители жили за городом, отец читал газеты, а мать выращивала бегонии. Они были одной из самых благовоспитанных пар, какие только могла представить Кристина, и не скажешь, что во времена бурной молодости они занимались сексом за сценой и запивали кокаин пивом. Или в обратной последовательности.

После рождения дочери они быстренько привели себя в порядок, и когда Кристина подросла, то нашла это невыразимо скучным. Наверное, подобное отношение стало одной из причин, почему она так быстро покинула родительский дом и оказалась там, где оказалась.

— Ты живешь в мире с придуманной моралью, бетонными клетками и чем-то горько-сладким, заключенным в твоём сердце, — сказал Фредерик. — Тебе самой решать, в каких пропорциях смешивать горечь и сладость.

— Какой изысканный коктейль.

Фредерик поднялся и жестом поманил Кристину за собой. Может быть, сработало шестое чувство, а может, загадочный вид Уэйнфилда. Но Кристина поняла, что он хочет показать ей что-то интересное. Нечто такое, о чем не подозревают репортеры, что скрыто от глаз любовниц. Кое-что странное, что могут видеть только близкие близнецам люди, те, кому они доверяют.

Пройдя мимо нескольких закрытых дверей, они оказались в спальне. Невозможно было понять, кому из братьев принадлежит комната в сиреневых тонах, кто спит на огромной кровати с воздушным балдахинном. Окно плотно закрывали шторы, так что в спальне царил полумрак, смазывая оттенки и очертания.

— Твоя?

Фредерик покачал головой:

— Нашей сестры, Анабель.

Ни он, ни Винсент никогда не рассказывали сестре. Кристина могла бы подумать, что та давно умерла или уехала куда-то, но комната не выглядела нежилой. Наоборот, казалось, будто обитавшая здесь девушка ушла совсем недавно и скоро вернется.

Фредерик прошел мимо кровати и прикоснулся к нескольким книгам в шкафу. Громадина вздрогнула и бесшумно отъехала в сторону, оказавшись потайной дверью.

— Думала, такое бывает только в кино, — пробормотала Кристина.

Из-за спины Фредерика и полумрака она мало что видела. Могла понять только, что за шкафом оказалась потайная комната, наполненная... чем-то. Фредерик достал из кармана зажигалку, и зажег свечи, стоявшие по обе стороны от входа, приземистые, толстые, с оплывшим воском, они горели ярко и долго.

В их мерцающем свете Кристина увидела, что потайная комната раза в три меньше спальни. В ней пахло благовониями и корицей, стены с полочками покрывали ткань и бархат. А на этих полочках стояли странные предметы. Кристина сразу же узнала только череп, судя по размерам, он вполне походил на человеческий. У ее бывшего бойфренда, Николоса, был похожий. Он вытаскивал его на сцену во время выступлений и устраивал фотосессии, всем заявляя, что он настоящий. На самом деле, Кристина знала, череп был гипсовым, купленный на каком-то Блошином рынке за бесценок.

Кроме россыпи костей, на полке стояло несколько мутных банок, ножи, револьверы, еще какие-то предметы, назначение которых Кристина не могла понять.

— Наша маленькая коллекция смерти, — Фредерик посмотрел на Кристину. — Мы думаем,

что будем жить вечно. Мы не боимся смерти.

— Но ведь это притворство. Однажды вы умрете.

— С нами происходит то, во что мы верим. Мы не умрем. Всего лишь перейдем на новую стадию нашего существования. Люди предпочитают отрицать смерть, но мне кажется, это глупо.

Фредерик прикоснулся к полке, провел по ней рукой. Кристина обратила внимание, какие у него тонкие и изящные пальцы — ладони пианиста. Они задержались на черепе, прошли по его гладкой поверхности.

— Думаешь, он гипсовый?

Кристина вздрогнула: ей казалось, Фредерик прочел мысли. Но по его блуждающей улыбке и отсутствующему взгляду Кристина поняла, что он даже не смотрит в ее сторону.

— Да, признаться, я думала об этом.

— Подойти ближе. Дотронься до него.

Кристина сделала несколько шагов, заходя в смутную потайную комнату и, подняв руку, коснулась черепа. На ощупь он был прохладным и гладким. Ничуть не походившим на гипсовую игрушку Николоса. Кончики пальцев Кристины прошли по пустым глазницам.

— Он... настоящий?

— Очень даже. Как и любой экспонат в нашей

коллекции. Элементы смерти, ее орудия и производные. Оно все здесь. Вокруг тебя.

Его рука легла на ладонь Кристины, все еще гладившей череп. Прошлась по ее пальцам, переместилась выше, задирая рукав кофты.

— Тебя возбуждает смерть?

— Хочется показать ей жизнь.

Взгляд Кристины упал на одну из мутных банок, и теперь, находясь ближе, она поняла, что внутри плавают два человеческих глаза. Застыв в своей мутной вселенной, таращатся на нее сквозь пыльное стекло.

Кристина не издала ни звука, но отшатнулась назад, подальше от глаз. И тут же оказалась в объятиях Фредерика. Его руки уверенно обхватили ее за талию, губы прикоснулись к шее. Она попыталась вырваться, неуверенно отбиваясь. Ей казалось, что каждый ее взгляд натывается на глаза в формалине.

— Отпусти меня немедленно, ты, чертов псих!
Вы оба и ваша коллекция — ненормальные!

— Как скажешь.

Он снова поцеловал ее шею, и Кристина то ли вскрикнула, то ли застонала — пожалуй, она и сама не смогла бы толком сказать, что это было. Она перестала сопротивляться.

Винсент чувствовал себя отвратительно. Мало

того, что весь день его мучила головная боль после кошмара, так еще пришлось вспомнить о данном Анне обещании и помочь с выставкой. На самом деле, Винсент не сомневался, что она женщина самостоятельная, а это — уже не первая ее выставка, так что она вполне в состоянии сделать все сама. Но ей нравилось, когда рядом был Винсент. Только ему самому подобное ужасно не нравилось.

Оставив машину на стоянке, Винсент сунул руки в карманы и заспешил к зданию Музея современного искусства. Осенние ветра набирали силу, так что он подумал о том, что стоит одеваться теплее. Болеть он не любил. К тому же, не был уверен, что вынесет заботу Анны.

Она стояла в главном зале и давала указания, где стоит развесить фотографии. Винсент подошел сзади и, аккуратно обняв, поцеловал. Анна улыбнулась:

— Ты всегда подходишь неожиданно.

— Моя уникальная способность. Как идут дела?

— Полным ходом. Видишь, мы почти закончили здесь. Со вторым залом, думаю, дело пойдет быстрее. Как тебе?

Винсент огляделся. Новая выставка Анны представляла ее последний проект. Серия фотографий в виде подсмотренных сценок из жизни

и просто портреты, но все фото были размытыми, местами неясными, а представленных на них людей можно было назвать не иначе как фриками. Пирсинг, ирокезы, цветные линзы, афрокосы, корсеты, тряпье... Анна собирала их по всему Лондону. Смотря на подведенные глаза главных героев, Винсент иногда задумывался, скольких из них Анна подловила в клубах, где играли очередные подопечные Кристины.

— Тебе еще долго? — спросил Винсент. — Я бы предпочел подождать в служебной комнате.

— Конечно. Скоро буду.

Винсент не был так уверен, учитывая размеры оставшегося зала и дотошность Анны. Но возражать не стал. Тем более, в маленькой служебной комнате оказался диван и раскрытая бутылка коньяка на пустом столе. И если первое Уэйнфилд еще мог понять, то откуда здесь второе оставалось загадкой. Работники галереи, конечно, могли пить, но не коньяк же? И не на рабочем месте.

Пожав плечами собственным мыслям, Винсент уселся на диван и прямо из горла попробовал коньяк. Тот оказался на удивление хорош, да и после промозглого ветра стал приятным теплом. Еще бы плед сюда... забравшись на диван с ногами, Винсент снял темные очки и поморгал. Ему всегда нравилась комната, в том

числе из-за отсутствия окон.

В галерее Винсент оказался не впервые. И отнюдь не Анна приводила его сюда. Был такой художник, Эван Грэй, он рисовал странные картины в стиле «Крика» Эдварда Мунка и с удовольствием пил абсент с Винсентом, как раз тут, пока зрители ходили по галерее, смотрели на его творения и с удивлением ахали и охали. Винсент подозревал, что однажды Эван закончит в психушке. Но пока парень колесил по Европе с выставками и порой присылал Винсенту психоделичные открытки и мэйлы о том, как ему осточертели поездки, и он хочет вернуться в Лондон, чтобы выспаться и снова глотнуть чего-нибудь крепкого с Уэйнфилдом.

Голова разболелась сильнее, и Винсент сжал виски руками. Похоже, коньяк все-таки стал лишним. Свернувшись клубком на диване, он прикрыл глаза, чтобы хоть немного усмирить боль. Винсент и не заметил, как уснул. Понял это, только когда проснулся, чувствуя себя еще более разбитым, и увидел Анну.

— О, наконец-то, — она улыбнулась. — И не стоило трогать мой коньяк. Между прочим, подарок организаторам выставки.

— Не я его открыл, — проворчал Винсент.

Он опустил затекшие ноги на пол, проклиная все на свете и, прежде всего, собственную

головную боль. Она так и не исчезла, притаившись где-то в висках.

— Никогда не видела, чтобы ты так спал.

— Что?

— Свернувшись в клубок. Ты казался таким беззащитным.

— Именно поэтому я не сплю подобным образом.

«Особенно при женщинах», мысленно добавил Винсент, но вслух говорить не стал. Он подождал, пока ноги вновь приобретут чувствительность, и надел темные очки.

— Тебе гораздо лучше без них, — сказала Анна.

— Знаю. Ты закончила с выставкой?

— Практически. Осталась пара моментов, но их улажу завтра, перед открытием.

— Хорошо. Домой?

— Ммм... я думала, мы сходим куда-нибудь поужинать.

— Честно говоря, у меня ужасно болит голова. Боюсь, из меня выйдет плохой компаньон.

Анна нахмурилась и приложила руку ко лбу Винсента:

— Так вот с чего ты уснул.

— Я совершенно здоров. Просто разболелась голова.

Удостоверившись, что он прав, Анна опустила

руку и покачала головой:

— Тебе не кажется, что это моя роль?
Говорить о больной голове и все такое.

Винсент рассмеялся, и они вместе вышли из галереи. Анна предложила вести машину сама, но Винсент наотрез отказался, заявив, что он еще не разваливается на части и вполне способен сделать это сам.

— Привет, Винс.

Винсент и Анна зашли в гостиную, и Фредерик кивнул брату. После этого таким же кивком он приветствовал Анну, но ничего ей не сказал. Винсент смотрел вовсе не на него, а на Кристину: завернувшись в махровый халат Анабель, она пила чай в кресле.

— Не думал увидеть здесь тебя, — сказал Винсент.

Кристина пожала плечами:

— Когда я пришла, то думала, здесь будешь ты.

— Как выставка? — спросил Фредерик, то ли не желая обращать внимания на взгляды, то ли ему было попросту плевать.

Анна пожала плечами:

— Прекрасно. Завтра вечером открытие.
Предлагаю отпраздновать.

— Как пожелаешь.

— Нет, — Анна внимательно смотрела на Фредерика. — Я хочу отпраздновать, как раньше. Как тогда.

— Ты уверена?

— Более чем. Кажется, мы слишком давно не делали ничего подобного.

Кристина недоуменно смотрела на присутствующих, не очень-то понимая, о чем они говорят. Но вот остальные, похоже, прекрасно знали. Винсент выглядел удивленным, но Анна смотрела только на Фредерика, на задумчивого Фредерика, как будто именно от его слова зависело будущее их предприятия.

— Честно говоря, не думаю, что это хорошая идея, — сказал он.

— Не говори глупостей! — фыркнула Анна. — Это прекрасная идея. Мы уже давно корчим из себя приличных мальчиков и девочек, но вам отлично известно, что мы далеко не такие. Нам нужно нечто иное. Нечто большее.

— Может быть. Но я не хочу из-за Анабель.

— Прошло много времени. Думаю, она примирилась с утратой.

Фредерик помолчал. Наконец, сказал:

— Хорошо, я поговорю с Ани. Если она не против, устроим как в старые добрые времена.

— Прекрасно.

Анна с любопытством смотрела на Кристину

и, казалось, ожидала, как та отнесется ко всему происходящему. Но Кристина ровным счетом ничего не понимала. Нахмурившись, она спросила:

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

— Конечно, дорогая, — улыбнулся Фредерик. — Раньше мы частенько устраивали вечеринки — вечеринки удовольствий и тонкой эстетики. Все желания, любой запретный каприз... мы делали все. Делали красиво. Пытаясь понять. И отыскать то, что действительно оказывает влияние.

— Оргия? — насмешливо спросила Кристина.

Он поморщился. Кажется, слово не доставляло ему удовольствия, хотя Кристина с легкостью могла представить его в объятиях сразу нескольких девиц. Вряд ли Уэйнфилд был бы смущен.

На своем кресле пошевелился Винсент и впервые за долгое время подал голос:

— Ты не совсем понимаешь, в чем дело. Мы не ищем сексуальных удовольствий, хотя они не исключены. Просто жизнь слишком скучна. Она плоская и обыденная, насквозь предсказуемая и рутинная. Ты можешь возразить, что твоя работа далеко не такая. Может быть. Но разве ты не идешь по одним и тем же маршрутам, раз за разом? Меняются группы и клубы, но суть остается той же. Жизнь каждого слишком плоская. Поэтому мы пытаемся найти что-то, что может ее

разнообразить.

— Удовольствия?

— Именно. Важная часть жизни. Как можно стремиться к чему-то, делать что-то, не получая удовольствия? Мы стараемся получать. И отыскивать новые. Вместе это делать веселее, чем по одиночке.

— И никаких оргий?

— Нет. Если только сама не захочешь.

— Будь нашей гостьей завтра, — добавил Фредерик.

Кристина с сомнением смотрела на Уэйнфилдов и Анну. Ей показалось, что последняя отнюдь не просто так предложила провести вечеринку именно при Кристине. Ей хотелось, чтобы поучаствовал кто-то новый, чтобы все было «как раньше», но не совсем так.

— Хорошо, — кивнула Кристина. — Завтра вечером.

2

В день открытия выставки с утра шел дождь. И даже когда он прекращался, в воздухе витала морось, оседавшая на лице и руках, капельками скапливающаяся на одежде и норовившая проникнуть везде. Абсолютно везде.

Анабель такую погоду любила. Может быть,

причина в том, что она родилась в Англии и с детства привыкла к подобному климату. А может, он просто слишком соответствовал характеру девушки. Периодически она склонялась то к одному, то к другому варианту.

Винсент и Фредерик тоже любили дождь. Хотя Анабель знала, что по характеру она совсем не похожа на них. Хотя бы потому, что ее никогда не интересовал семейный бизнес. Да, разумеется, она была слишком мала, когда умер отец, и братьям пришлось спешно возвращаться в город и браться за дела. Но даже когда Анабель становилась старше, ее не прельщала карьера. Цифры, издания, гляцевые обложки и полуголые девицы на разворотах ее не интересовали. И она была рада, что может жить в свое удовольствие, не заботясь о том, что вскоре предстоит работать и зарабатывать на жизнь: семейное дело стало прибыльным. А братьев вполне устраивало, что «маленькая Ани» не вмешивается в дела.

Такси дожидалось Анабель у ворот кладбища, и она нырнула в его тепло и сухость. Назвав водителю нужный адрес, девушка устроилась на заднем сиденье, в последний раз взглянув в окно на ворота Хайгейта.

Она сама толком не смогла бы сказать, что привлекает ее в старом кладбище. Да, конечно, ее предки похоронены где-то здесь, но она все равно

не имела понятия, где находятся могилы. А тела родителей в другой части Лондона, на современном кладбище, не прогнившем насквозь как Хайгейтское.

Но Анабель любила эту старину. Ей нравилось бродить между могилами, останки в которых давно превратились в прах. Нравилось стирать с камней пыль времен, разглядывая истертые надписи. Здесь было много старых, очень старых могил. Анабель любила их древность — и тишину. Пожалуй, именно покой привлекал ее больше всего.

Дома Анабель уже ждал Винсент. Он должен был забрать сестру и вместе с ней ехать на выставку.

— Наконец-то, — проворчал Винсент. — Я уже решил, ты собралась опоздать. А на телефон, разумеется, не отвечаешь.

Анабель пожала плечами.

— Я его отключила. Не хотела, чтобы мне мешали.

Она прошла в гостиную, на ходу снимая перчатки. Поставив сумочку на стол, аккуратно вытащила из нее небольшой предмет. Винсент подошел поближе, чтобы рассмотреть — то была кость.

— Красиво, правда? — Анабель повертела ее в руках. — МакКэллохен дал.

— Очень мило. А теперь собирайся, прошу тебя.

МакКэллохен работал гробовщиком столько, сколько помнила себя Анабель. И столько же времени она периодически сбегала к нему, чтобы послушать рассказы о привидениях и посмотреть, как он работает. Старик Уэйнфилд вечно ворчал, что маленькой леди не пристало заниматься подобными глупостями, но его жена — мать Анабель — наоборот, всячески потворствовала увлечениям дочери.

Анабель вошла в свою комнату и, сдвинув нужные книги, открыла дверь в потайную комнату. Новый трофей она торжественно уложила на бархат, как раз между черепом и мутной банкой. Полюбовавшись пару мгновений на коллекцию, Анабель вышла в комнату и, скинув пропитанную пылью Хайгейта одежду, надела приготовленное для выставки платье.

Иногда ей казалось, она начала собирать свою коллекцию в память о матери. По крайней мере, насколько могла вспомнить девушка, первый трофей она выпросила у МакКэллохена через месяц после ее смерти.

Мадлен Уэйнфилд всегда была женщиной необычной. Она родилась в Лондоне, ее матерью была актриса Нора Меррик. Об отце Мадлен не имела никакого представления и все детство

провела в театре. Надо сказать, там ею занимались все, кроме собственной матери. Но девочка никогда не жаловалась — потому что понятия не имела о другой жизни. Знание обрушилось неожиданно: когда Нора Меррик скончалась от пневмонии, Мадлен попала в детский приют. Место не самое приятное, особенно для девочки, которая привыкла совсем к иному обращению. Но непритязательная Мадлен быстро приспособилась.

Когда она подросла, то быстренько покинула приют, устроившись на работу в кафе официанткой. Денег ей платили немного, но вполне хватало на скромное жилье и небольшие развлечения. Все изменилось внезапно, когда в ее жизни возник Джеймс Хэтфилд.

Поначалу она даже не знала, как его зовут. Просто респектабельный джентльмен каждый вечер приходил в кафе, где работала Мадлен, ужинал и оставлял для нее щедрые чаевые. Настолько щедрые, что однажды она не выдержала и попыталась вернуть столь большие деньги клиенту. Так они познакомились. Через неделю Мадлен переехала в квартиру Хэтфилда, а еще через месяц он сообщил, что является ее биологическим отцом. Мадлен впоследствии никогда не рассказывала детям о том периоде своей жизни. Анабель знала только, что Хэтфилд владел какой-то фирмой, обеспечивал свою дочь и водил ее по роскошным

приемам. На одном из таких приемов она познакомилась с молодым Леонардом Уэйнфилдом, который только начинал свое дело. Мадлен не долго раздумывала и быстренько сбежала от отца к новому ухажеру, за которого и вышла замуж.

В последнее время у Анабель иногда возникало желание отыскать информацию о Джеймсе Хэтфилде, своем биологическом дедушке. Но пока желание ни разу не было настолько сильным, чтобы она принимала его всерьез. Мадлен пару раз обмолвилась, что это был жестокий и очень властный человек, который так и не обзавелся семьей.

Биография отца была известна Анабель куда лучше, но она считала ее скучной. И правда, что может быть интересного в жизни сына известного писателя, который всю жизнь занимался своим издательством?

Винсент с нетерпением дожидался сестры, и когда она наконец-то вышла, улыбнулся:

— Ты, как всегда, прекрасна. Буду рад быть твоим кавалером.

Фредерик настаивал на том, чтобы заехать за Кристиной, но женщина наотрез отказалась. Отчасти — потому что не хотела, чтобы Уэйнфилд слишком много возомнил о себе. Отчасти — она вообще не была уверена, что успеет вовремя. Ее

рабочий день не был нормированным, вот и теперь пришлось улаживать детали с директором клуба, в котором группа Кристины должна выступать на днях.

А после она поспешила к Нику, вокалисту, который обещал помочь ей с одним делом. Он жил в небольшой уютной квартире, расположенная черте где. Кристина попросила таксиста подождать и поднялась по лестнице, под самую крышу. Ник ожидал ее и открыл почти сразу:

— Проходи.

Кристина знала Ника целую вечность. Он был лет на пять младше ее, и познакомились они на каком-то музыкальном фестивале, который оба помогали организовывать. Оказалось, у них много общих интересов и совсем нет влечения друг к другу, что вполне устраивало обоих.

Много времени было проведено на маленькой кухне Ника, еще больше — на крыше, куда они с легкостью выбирались. Особенно им нравились долгие дождливые ночи.

Ник и раньше показывал Кристине свои песни, хотя сам никогда не относился к ним серьезно. Но пару месяцев назад была особенная ночь. Они сидели вдвоем и, выбравшись на крышу, пили вино. Ник вытащил гитару и негромко спел свою песню — а потом еще одну. И внутри Кристины что-то щелкнуло: это же прекрасно!

Добавить парочку инструментов, и получится прекрасная группа. До утра она сидела в квартире Ника и разбирала его записи, где на обрывках бумаги были написаны слова и змеились ноты. К шести утра Кристина вынесла вердикт, что это гениально, а через пару дней уже нашла музыкантов, и группа с незамысловатым названием Forever отпраздновала свой День рождения.

К приходу Кристины Ник уже успел подготовить платье, о котором она просила, и выложить его на диван.

— Огромное спасибо! — Кристина смотрела на строгое персиковое платье. — Ты же знаешь, у меня вечерних нет.

— Есть. Просто они такие старые, что в них не удобно появляться в приличных местах.

— Маленький гаденыш.

Ник пожал плечами и деликатно вышел из комнаты, чтобы Кристина смогла переодеться. Платье оказалось невероятно приятным на ощупь: Ник сам выбирал и покупал его, чтобы подарить своей подруге. Только прежде она устроила скандал, хлопнула дверью и переместилась в разряд «бывших». Так что Ник рад был помочь Кристине и без проблем подарил платье.

Посмотрев в зеркало, женщина отметила, что персиковый идет ей, только само платье немного маловато. Впрочем, ничего особенного, бывшая

пассия Ника была примерно той же комплекции, что и Кристина.

— Спасибо еще раз, — она чмокнула Ника в щеку и убежала вниз, пока не уехало такси.

Впрочем, опасаться не стоило. Таксист ее дождался и довез до галереи как раз вовремя. По крайней мере, гости вовсю прибывали.

— О, дорогая, добро пожаловать!

Улыбаясь, Анна подошла к Кристине и сунула ей в руку бокал с шампанским. Выглядела она довольной, но немного уставшей. Тем не менее, не преминула заговорщицки подмигнуть:

— Не забудь про вечер.

Кристина не успела ответить, как Анна умчалась. Воспользовавшись одиночеством, Кристина осмотрела выставку, и только после этого подошла к Уэйнфилдам. Как и всегда, Фредерик выбрал светлые тона, а Винсент оделся в черное.

— Ты знакома с нашей сестрой? — спросил Фредерик.

Кристина покачала головой:

— Нет, только слышала о ней.

— Я познакомлю вас.

Кристина и сама не знала, что она ожидала увидеть, но Анабель Уэйнфилд ничуть не походила на любое ожидание. Ей было лет семнадцать, не больше. Миниатюрная и хрупкая, она казалась неким вымышленным созданием, абсолютно не

реальным для этого мира. Впечатление усиливалось неброским черным платьем, которое при ближайшем рассмотрении оказалось сплошь расшито черными перьями. Так, что не было видно ткани и казалось, будто перья — часть самой Анабель.

В больших синих глазах отражалась та улыбка, что блуждала на ее тонких губах. Что-то загадочное и чуточку неземное, почти мечтательное. Никак не связанное с тем, что ее окружало. Тяжелые локоны темных волос подчеркивали бледность кожи и делали глаза невероятно яркими. Тонкие руки покрывали кружевные митенки.

Кристина поняла, что где-то видела эту девушку, и несколько секунд ей потребовалось, чтобы вспомнить одну из фотографий Анны. Она висела в другом зале и изображала девушку вполоборота, ярко накрашенную, в пышном нео-викторианском платье. Она будто бы испуганно оборачивалась на зрителя. Теперь Кристина поняла, что на фото запечатлена Анабель Уэйнфилд собственной персоной.

— Думала, она старше.

Фредерик улыбнулся:

— Ей шестнадцать и она прелестна.

Когда они приблизились к юной Уэйнфилд, она улыбнулась и, кажется, была искренне рада

видеть Фредерика. Она поцеловала его в губы, и этот жест казался самым естественным, что только может быть.

— Братик, наконец-то! Если бы Винсент не сказал, что ты где-то здесь, я решила, ты уехал в очередную срочную командировку.

— Что ты, сестренка. Не могу же бросить выставку Анны и тебя.

— Ты все можешь.

Фредерик повернулся к Кристине.

— Позвольте представить вас. Анабель Уэйнфилд, моя сестра. Кристина Вайнс, моя подруга.

— Многие называют меня просто Ани.

— Лучше я буду называть тебя Анабель. Очень красивое имя.

Девушка кивнула.

— Вот видишь, Фредерик, не только тебе нравится мое имя.

Она вновь улыбнулась, и если бы он не был ее братом, этот жест можно было считать за кокетство. Она подмигнула Кристине:

— Буду рада познакомиться ближе. Увидимся вечером.

Анабель Уэйнфилд отвернулась, чтобы поприветствовать еще одного знакомого. Похоже, она не только была приглашена вечером, но и прекрасно осведомлена о присутствии на нем

Кристины. То ли Винсент успел ей рассказать, то ли Фредерик, как и хотел, поговорил с ней заранее.

— Похоже, все ждут вечера, — пробормотала Кристина.

Выставки никогда не приводили Анну в восторг. То есть ей нравилось, что люди приходят и с умным видом смотрят на ее фотографии, как будто понимают, что она пыталась вложить в изображения. Но она терпеть не могла пышные открытия, когда каждый стремился поздравить ее и заверить в почтении ее таланта. Это всегда выглядело насквозь лживым.

Будь на то воля Анны, она бы вообще отказалась от личного присутствия на выставках. Но это могло быть расценено как неуважение, поэтому ей приходилось раз за разом влезать в платье и неудобные туфли, чтобы выслушивать лесть и предлагать шампанское.

Это была четвертая выставка Анны. И, пожалуй, первая, которой она по праву гордилась. Ей нравились странные люди на фото, немного не от мира сего. Может быть, именно поэтому они казались такими искренними. Почти месяц Анна спала днем и выбиралась в город только вечером, чтобы попытаться поймать в объектив странных и нелогичных обитателей. После этого месяца у Анны порой возникала мысль, что именно

подобные люди и есть по-настоящему свободные и независимые.

Она стояла перед большим портретом девочки. Не больше пятнадцати, она смотрела в камеру насмешливо и с вызовом. В руке небрежно зажата сигарета, на заднем плане виднелись ряды бутылок. Анна помнила, девочку звали Молли. Она встретила ее в маленьком клубе, куда Молли приходила, сбегая из дома. Там, на фоне барной стойки, девочка позировала ей, а потом рассказывала истории о клубе и своих друзьях, которые были старше нее. Наверное, большая часть людей, пришедших на выставку, были бы шокированы услышать о прокуренном баре, минуте в туалете, а главное, о том, что подобное приносит удовольствие.

— О чем задумалась? — Анабель подошла неожиданно.

— О своей фотографической карьере. Иногда приходит в голову: какой ерундой я занимаюсь.

— Всем порой приходит такое в голову. Но если подобные мысли не задерживаются, значит, все в порядке.

Анабель стояла рядом с Анной и смотрела на портрет Молли, время от времени делая маленькие глотки из бокала с шампанским. Анна ничего не говорила, прекрасно зная, что если кто и может понять ее фотографии, то именно Анабель. Не зря

девушка сама присутствует на одной из работ.

— Я бы хотела с ней познакомиться, — наконец, сказала Анабель.

— Увы, могу только рассказать, где ее встретила.

— Не стоит. Пусть это останется всего лишь фантазией.

Анна невольно вздрогнула от последней фразы. В ней было что-то знакомое и совершенно не принадлежащее Анабель. Потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить: подобную фразу частенько повторял Лукас.

— Ты вспоминаешь его? — спросила Анна.

— Постоянно. А ты?

— Конечно. Не думаю, что хоть кто-то, кто знал Лукаса, сможет его забыть.

Анабель пожала плечами:

— Ты знаешь, мне кажется, человеческая память — довольно краткосрочная штука. Прошел всего год, и я начинаю забывать детали. Сколько должно пройти, и я забуду самого Лукаса?

— Не думаю, что это возможно.

— В мире нет ничего невозможного.

Анабель повернулась к Анне:

— Думаю, пора потихоньку сбегать с этого вечера и продолжать наш собственный.

Анна кивнула и вслед за Анабель аккуратной тенью прошла к черному ходу. Когда гости уже не

могли ее видеть, она сняла неудобные туфли и на цыпочках пробежала по холодному полу коридора и небольшому расстоянию между галереей и машиной Винсента.

— Наконец-то, — проворчал он. — Уж и не думал вас дожидаться.

Он завел машину и в сгущающихся сумерках направил ее к дому Уэйнфилдов. В такие моменты Анна чувствовала себя настоящей Золушкой, которая сбегает с королевского бала. Только туфельки были при ней, да и карета не превратится в тыкву ровно в полночь. Наоборот, все самое интересное начнется как раз после середины ночи.

Фредерик с Кристиной ушли под конец открытия, когда никто не обратил на них внимания. Впрочем, к тому моменту, как наступил вечер, гости предпочли разойтись по клубам и ресторанам — или домой. Фредерик не пожелал рассказать Кристине детали предстоящего мероприятия, поэтому ей пришлось довольствоваться его коротким «увидишь».

Не то чтобы Фредерик хотел придать пущей таинственности происходящему. Он и вправду полагал, что не стоит тратить слова и что-то объяснять, если скоро Кристина сможет сама все увидеть. Впрочем, его молчание во время всей дороги до квартиры Уэйнфилдов было обусловлено

вовсе не тем, что он не хотел о чем-то рассказывать.

Он вспоминал.

Фредерик никогда не относил себя к числу сентиментальных людей. Он даже с некоторой снисходительностью относился к вечерам, когда Анабель любила устроиться у большого окна с бокалом вина и долго сидеть, наблюдая за сумерками. В такие моменты она перебирала воспоминания, играла тонко настроенной памятью. Ей нравилось это делать — время от времени.

Но когда подобное желание возникало у Фредерика, он предпочитал отмахиваться от него. Запирать в тайных чуланах собственного мозга и не выпускать оттуда. Долгое время он был уверен, что и Винсент поступает подобным образом.

Но однажды, когда они только поднимали дело отца, Фредерик задержался в издательстве и пришел домой ближе к полуночи. Было темно, и он решил, что все давным-давно спят. Но оказалось не совсем так. Он нашел Винсента в гостиной, где тот уснул на диване после того, как прикончил полбутылки виски. В скудном свете из окна Фредерик заметил на щеках брата дорожки от слез. Только тогда он вспомнил, что этот день — годовщина смерти родителей.

И теперь, пока они петляли по улицам Лондона, Фредерику впервые пришло в голову, а сможет ли Кристина понять то, что будет

происходить этой ночью. Сможет ли оценить. Или, может, они вообще слишком быстро решили приобщить ее к их маленькому таинству?

Пока они парковались в гараже, Кристина неожиданно спросила:

— Кто это придумал? Кто первым решил собрать вас?

Фредерик помолчал, обдумывая ответ.

— Пожалуй, наша мать, Мадлен Уэйнфилд. Она была крайне своеобразной женщиной и во многом приобщила нас к тому, чем мы занимаемся теперь. Но, разумеется, она не устраивала подобных вечеринок. Мы были слишком маленькими, а потом я и Винсент уехали учиться. Не знаю, чем она занималась тут с Анабель. Лучше спроси у сестры.

Он захлопнул дверцу машины и проверил сигнализацию.

— Вечер в том виде, в каком его увидишь ты, предложил Винсент. Тогда нас было только трое: он, я и сестра. Позже к нам присоединились Анна с Лукасом.

— Я много слышала о нем...

— Да, он был мужчиной моей сестры. И погиб год назад.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже. Дурацкий несчастный случай и очень неожиданная смерть.

Квартира казалась пустой и вымершей, только

из-под двери одной комнаты сочился тусклый свет и звуки музыки. Когда они вошли, Фредерика охватил еще один приступ неудержимой сентиментальности.

Винсент стоял у окна и курил. Он кивнул вошедшим в знак приветствия и снова перевел взгляд на окно. Его рубашка была расстегнута, а ноги оставались босыми. Анабель сидела на кровати, одетая только в легкий шифон и кружево пеньюара. Перед ней стоял поднос с пятью стаканами, еще какими-то приспособлениями и бутылкой алкоголя, в которой без труда можно было опознать зеленую глубину абсента. Анны видно не было, и оставалось предположить, что она в ванной, которая как раз примыкала к комнате. Фредерику показалось, еще мгновение, и дверь за его спиной откроется и войдет Лукас, как в старые добрые времена.

— Устраивайся, — Фредерик кивнул Кристине на один из стульев и сам уселся на другой.

В комнате было жарко, очень жарко. Фредерик расстегнул несколько пуговиц рубашки, но не решился все. Кристина явно чувствовала себя не уютно, посматривая то на братьев, то на Анабель. Но никто из них не обращал на нее внимания.

Анабель налила в каждый из стаканов абсента,

аккуратно влила в них воды из графина. После этого на первый положила сверху ложечку с дырками, а на нее — облитый абсентом кусочек сахара. Чиркнула изящная зажигалка в ее пальцах, и сахар вспыхнул, пузырясь и роняя сладкие капли.

Загасив остаток сигареты о пепельницу, стоявшую на подоконнике, Винсент наконец-то повернулся к Фредерику:

— Как в старые добрые времена?

— Похоже на то.

Фредерик обратил внимание, что лицо Винсента выглядит неестественно бледным, а под глазами залегли темные тени. Кажется, последние ночи он снова плохо спал.

Анабель размешала остатки сахара в стакане с абсентом и приступила ко второму.

Фредерик покосился на запертую дверь ванной. Сами собой выплыли другие воспоминания. Те, что он старался не вытаскивать из чуланов памяти, но сегодня они явились сами. Это было через месяц после смерти Лукаса, дела вынудили Фредерика уехать в Берлин, но вернулся он на день раньше положенного. Он до сих пор не понимал, что именно заставило его изменить планы. Он не сомневался, что вернется домой в субботу. Но в пятницу утром встал со стойким ощущением беспокойства, купил билет и уже вечером был в Лондоне.

Когда он вернулся, дома стояла тишина. Он знал, что Анабель поехала к Анне, а Винсент, скорее всего, еще не вернулся из своего клуба, где он бывал каждую пятницу до глубокой ночи. Тем не менее, Фредерик проверил все комнаты. И в запертой ванной Винсента горел свет. Наверное, в тот момент Фредерик уже знал, что увидит.

Белая ванная. Свешивающаяся из нее рука, а с кончиков пальцев срываются капли крови и темной лужицей расплазуются по кафелю, грозя превратиться во вполне приличную лужу.

Белая ванная. И белое лицо Винсента. Темная вода.

Как потом говорили врачи, Фредерик пришел буквально через пару минут после того, как острое лезвие прошло по рукам Винсента. Именно это и позволило им успеть. Это и невероятное везение. Потому что Винсент был уверен, что брат с сестрой вернутся только на следующий день, он наполнил ванную теплой водой и резал вдоль вен. Он не хотел привлечь внимание. Он не хотел, чтобы его спасали. Он хотел умереть.

Кристина поежилась на стуле, Анабель приступила к третьему стакану. Винсент хищно улыбнулся и подмигнул Фредерику.

Теперь он в порядке. Фредерик точно знал. Как знал и тогда, когда пришел в больницу к брату. Винсент ждал его, усевшись на больничной койке.